

— Так оно и есть, молодой господин, не стоит беспокоиться, — ответила Вань Цзюньи, хотя на душе у неё оставалась лёгкая неловкость. Однако чувство вины перед Тайхан заставило её отбросить это неудобство.

Затем она добавила:

— Собираетесь ли вы сейчас познакомить меня и младшего брата с Сектой Тайхан?

Услышав это, Цзянь Юй слегка опешил и ответил:

— Если не торопитесь, можно сначала перекусить.

При упоминании еды живот Сань Миншэна предательски заурчал. Юноша почесал затылок и смущённо улыбнулся.

Так что трое решили сначала найти что-нибудь поесть.

Поскольку в Тайхан ценились самостоятельность и самоанализ, пропитание и кров были заботой самих учеников, отчего на территории секты располагалось множество полей и очагов. За этими полями ученики также ухаживали по очереди; те, кто ленился или уваливал от работы, не только оставались без еды, но и рисковали быть изгнанными.

Разумеется, молодые даосы были народом простым и усердным, так что такие случаи были редкостью.

Сначала Цзянь Юй привёл их к ученику, отвечавшему в тот момент за поля, взял немного пшена и овощей и внёс запись в учёт. Затем они нашли менее занятый очаг и немного подождали в очереди. Да, даже его высокое положение в секте не давало особых привилегий — даже старейшинам приходилось ждать своей очереди, чтобы воспользоваться общими очагами.

Вскоре подошла их черёд. Цзянь Юй первым шагнул вперёд, намереваясь приготовить еду для гостей, хотя его кулинарные навыки и впрямь оставляли желать лучшего.

Вань Цзюньи и Сань Миншэн не захотели простаивать снаружи, так что тоже зашли в небольшую кухню. И что же они увидели? Цзянь Юй не только не промыл пшено, но и собирался поджарить его вместе с целыми овощами...

Не зная, что и сказать, Вань Цзюньи тут же велела младшему брату вывести за дверь предельно серьёзного Цзянь Юя, а сама взялась за дело.

Удерживаемый перед собой юношей, Цзянь Юй нахмурился в крайнем недоумении: почему теперь гость готовит? И почему младший брат госпожи-лекаря смотрит на меня таким подозрительным взглядом?

Лишь когда госпожа-лекарь позвала их внутрь и расставила миски с кашей на маленьком деревянном столике в кухне, Цзянь Юй наконец понял... Было невероятно неловко.

Но это чувство исчезло в тот же миг, как он отхлебнул горячей каши, — её вкус невольно напомнил ему о матери. Он давно не ел ничего столь же вкусного, с тех самых пор как пришёл в Тайхан.

— Как вам? — прозвучал тихий вопрос.

Цзянь Юй наконец расслабил напряжённое лицо и с лёгкой улыбкой ответил:

Интеллект: 30

Удача: 90

Стиль боя младшего брата — широкий, размашистый. Боевые искусства у него те же, что и у Девы Цзюнь, но поскольку «меч праздного человека» не имеет фиксированных приёмов и зависит от носителя, их стили сильно разнятся.

Ладно~(*~□~*)

Незаметно подошёл конец года. В эти дни занятые ученики Тайхана наконец обрели немного досуга, стали не такими суровыми, как прежде, и с радостью принялись украшать секту, что была их домом и опорой. Повсюду царил праздничная атмосфера.

Даже Цинь Чэн, у которого от усталости за эти дни появилась не одна седина, сегодня наконец смог облегчённо выдохнуть, расправить плечи и неспешно прогуляться по владениям секты.

Гуляя так, он вышел на передний двор Тайхана. Стоя на огромной круглой платформе в его центре — Сфере Неба и Земли — и окидывая взглядом свою величественную секту, Цинь Чэн ощутил в сердце прилив гордости.

На вершине Великого Пути замыслы велики,

Держась за Дао, по лестнице к небесам восходишь.

Раздвинешь облака и туман — небесный пейзаж откроется,

Увидишь журавлей да старцев-мудрецов.

С тех пор как почил старый патриарх, Цинь Чэн нёс бремя главы секты — вот уже четырнадцать лет. За эти годы трудностей и опасностей хватало, но Тайхан всякий раз успешно преодолевал их и оттого становился лишь сильнее. Он, Цинь Чэн, не обманул доверия старого патриарха и не подвёл младшего брата Цзянь Мина, что пожертвовал за них жизнью.

Одно лишь оставалось ему не по душе — до сих пор не удалось схватить того великого демона, Цзян Чжао...

Но пусть братья и наставники взирают с небес: я, Цинь Чэн, в этой жизни непременно отомщу за вас, даже если ради этого придётся отступить от Великого Пути.

Таково было его решение. Он давно оставил поиски Великого Пути и давно решил, что прежде, чем передать пост главы Цзянь Юю, покончит со всеми недоделанными делами, дабы вручить сыну младшего брата Цзянь Мина сильную и преуспевающую Первую даосскую секту Поднебесной.

Ради этого он был готов терпеть любую усталость.

Слегка улыбнувшись, Цинь Чэн вновь зашагал — он возвращался в зал управления, чтобы продолжить подготовку к вечернему «развлекательному турниру» секты. На предстоящем собрании Альянса Улинь Тайхан должен будет показать свою истинную мощь и во что бы то ни стало занять пост Главы Альянса, дабы повести героев на поиски пропавшего Цзян Чжао.

Кстати, о Цзян Чжао... Госпожа-лекарь почему-то слегка напоминает его...

Нет, не может быть. Даже если госпожа-лекарь и подделала историю о своём происхождении из врачебного рода Наньцюань, это ещё не значит, что она что-то скрывает — в нынешние смутные времена скрывать имя можно считать разумной стратегией.

К тому же у носителей крови Снежного клана женщины наследуют черты матери, а мужчины — отца. Если бы отец госпожи-лекаря был из Снежного клана, а мать — из Тяньюань, то в её облике, хоть и проявились бы черты снежного народа, уж точно не было бы белых волос. Стало быть, единственный вариант — её мать была из Снежного клана, а значит, Цзян Чжао, будучи тяньюаньцем, не может состоять с ней в кровном родстве.

Цинь Чэн стал слишком подозрительным из-за предателей и даже начал сомневаться в благодетеле, спасшем многих учеников Тайхана. На душе у него стало неловко, особенно когда он вспомнил, сколько госпожа-лекарь сделала для секты в последнее время...

Все эти дни она не только дарила тайханским лекарям множество секретных рецептов, но и часто спускалась в деревни и посёлки у подножия горы, чтобы врачевать, приписывая все заслуги Тайхану. Добрая слава, обретенная таким образом, разносилась торговцами и странствующими воинами, и вскоре издалека стали прибывать страждущие, и всех она исцеляла.

Позже, когда работы стало совсем уж много, тайханские лекаря тоже спустились с горы и открыли на склоне благотворительную лавку. Многие облагодетельствованные богачи поддержали её, и караваны повезли к горе лекарства в огромных количествах. К Ванциншань потянулось и множество бедняков, измученных болезнями.

Благотворительная лавка, разумеется, не брала ни гроша и прилагала все усилия, чтобы помочь этим страдальцам. Не прошло и полумесяца, как добрая слава Тайхана разнеслась по всему речному озеру, затмив даже героев Фэнлина — Союз Шоцзянь.

Более того, народ, прослышав, что в следующем году выберут нового Главу Альянса Улинь, принялся во время молитв и подношений взывать к небесам — дабы тайханские небожители явили себя во всей красе на собрании Альянса и заняли пост Главы.

Можно сказать, всё шло к тому по общему желанию.

До этого Цинь Чэн весьма беспокоился о репутации в мире, ведь чтобы стать Главой Альянса Улинь, нужно было превзойти нынешнего Главу как минимум в двух из трёх аспектов: боевое искусство, ум и авторитет.

<http://bllate.org/book/16264/1464160>